

**ФИННЫ-ИНГЕРМАНЛАНДЦЫ
ПРИХОДА ЦЕРКВИ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ
(Москва)**

Перед второй мировой войной их насчитывалось около 120 тыс. До 1930-х годов жили они преимущественно в Ленинградской области и Карельской АССР. Жившие в этих районах финны-ингерманландцы начали подвергаться массовым репрессиям уже с 1930 г. Многие из них были причислены к «кулакам» и «подкулачникам». Другие были квалифицированы как «ненадежный контингент» во время «очищения» пограничной с Финляндией 50-километровой зоны. Последнее особенно активно проводилось в 1935 — 1936 гг. И те и другие были отправлены в лагеря или высланы в район Хибинских гор на Кольском полуострове, на Урал, в Сибирь, на Сахалин, в Закаспийские районы. В 1937 г. на финнов, как и

[illegible]

на все народы СССР, обрушилась новая волна сталинского террора. Репрессии против финнов, еще остававшихся на прежних местах расселения, а также и служивших в армии, продолжались и в годы второй мировой войны. В 1942 г. были изданы указы «Об изъятии из действующей армии военнослужащих финской национальности и переводе их в рабочие колонны НКВД» (то есть в концлагеря) и «Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения из пограничных районов Ленинграда» В это время значительная часть Ленинградской области уже была оккупирована, и оттуда немецкими военными властями по договоренности с финляндским руководством 63 тыс. финнов-ингерманландцев (в основном женщины и дети) были вывезены в Финляндию. Подавляющее большинство их (приблизительно 55 тыс. человек) после войны вернулось в СССР. Вернувшихся из Финляндии в родные деревни не пустили, а расселили небольшими группами в Новгородской, Псковской, Ярославской, Вологодской и других областях. Во второй половине 1950-х годов значительное число финнов-ингерманландцев переселилось в Эстонию.

В итоге в результате депортаций и других насильственных перемещений 1930-1950-х годов, а также последовавших затем добровольных миграций расселение финнов в конце 1980-х годов сильно отличалось от довоенного. Согласно материалам переписи населения 1989 г., финны были в основном сконцентрированы в Карелии (18,4 тыс. человек), Ленинградской области (11,8 тыс. человек) и самом Ленинграде (5,5 тыс. человек) и в Эстонии (16,6 тыс. человек). Кроме того, существенная часть финнов (15 тыс. человек) оказалась дисперсно расселенной почти по всей территории бывшего Советского Союза от Новгородчины до Сахалина. (Национальный состав населения СССР, 1991, 24, 36, 62, 64, 140).

Естественно, положение финнов-ингерманландцев в различных регионах, даже там, где они были расселены достаточно многочисленными группами, было неодинаковым с точки зрения возможностей возрождения и развития этнической культуры и языка. Напомним, что в Карелии финский язык со времени образования Советского Союза был вторым (после русского) государственным языком, что позволяло ему сохранять жизнеспособность. Кроме того, в республике продолжали работать финский театр, финские народные ансамбли и т.д. В Ленинградской же области финские школы были закрыты еще в 1937 г., и финский язык сохранялся лишь как язык домашнего общения. Еще более ограниченными были возможности возрождения традиционных форм культуры в тех местах, где финны жили небольшими группами.

Тем не менее, в конце 1980-х-начале 1990-х годов в разных районах расселения финнов стали возникать добровольные объединения финнов «Ингерские союзы» (Inkerin liitto), ставившие перед собой цель добиться восстановления прав своего народа. В культурной сфере они требовали возможности организации преподавания на родном языке в школах, вос-

становления самостоятельной ингерманландской церкви, расширения культурных связей с Финляндией и т.д. — но в целом, это особый вопрос, на котором в данном случае мы не имеем возможности детально остановиться. Добавим лишь, что финны-ингерманландцы по решению правительства Финляндии от апреля 1990 г. получили право возвращения на свою историческую родину — в Финляндию. Финляндия и в наши дни продолжает принимать этих репатриантов.

В настоящей статье мы рассмотрим лишь небольшую группу проживающих в Москве российских финнов, насчитывавшую, по данным переписи населения 1989 г., всего 471 человека.

Несмотря на свою малочисленность расселенные в Москве финны также создали в 1990 г. общество «Инкерин лиitto» (Inkerin liitto), в которое вошли около полусотни человек. Состав общества был неоднороден как по возрасту, так и по социальной и профессиональной принадлежности. Деятельность общества скоро замерла по причине отсутствия денежных средств на аренду помещения, организацию собственных курсов финского языка и т.д.

К тому времени, когда мы сделали попытку войти в контакт с московскими финнами, оказалось, что местом встречи может послужить лишь церковь Святой Троицы, единственная в Москве и Московской области организация Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии. Этот приход был зарегистрирован в 1992 г. и объединил людей финской национальности, живущих в Москве и Московской области. Поначалу приход сталкивался с большими трудностями как духовного, так и материального порядка. За десятилетия, что прошли с момента выселения финнов-ингерманландцев из родных мест, в значительной степени были утрачены лютеранские традиции, люди оторвались от своей церкви. Насаждение в стране атеизма способствовало отходу от религии вообще (прежде всего это коснулось молодого поколения). Время возникновения ингерманландского прихода в Москве пришлось на период резкого подъёма интереса населения России к религии. И если сразу после его создания люди буквально хлынули в общину, то потом численность прихожан стала неуклонно сокращаться: иногда на богослужении было всего по несколько человек. Только по истечении какого-то времени численность прихожан начала опять расти и община стала достаточно стабильной. Надо отметить, что сейчас в общину входят не только финны-ингерманландцы, но и русские, а также есть несколько живущих в Москве латышей и эстонцев. На первых порах у прихода были большие сложности с помещением. Сначала совершали богослужения в баптистском молельном доме, затем арендовали англиканскую церковь, позже пришлось даже снимать помещение в школе.

Наконец, в 1994 г. Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии было передано здание часовни на Введенском кладбище, на котором с 1772 г.

хоронили иностранцев разных христианских исповеданий. В 1912 г. там была построена часовня, предназначавшаяся для обслуживания конфессий, представители которых входили в комитет по благоустройству кладбища: евангелическо-лютеранской, католической (польской и французской), реформатской и англиканской. После 1917 г. часовню закрыли, а в ее здании разместилась контора кладбища.

В мае 1994 г. здание часовни было освящено как храм, который получил название церкви Святой Троицы, так как освящение было совершено именно в этот праздник. Прихожанам пришлось многое сделать самим для благоустройства храма: были разобраны все внутренние перегородки, пристройки. И хотя ремонт храма не завершен до сих пор, каждое воскресенье в церкви Святой Троицы совершаются богослужения, на которые съезжаются верующие не только из разных районов Москвы, но также из Подмосковья и даже из Тверской области.

Собранный нами у прихожан этой церкви материал невелик по объему, но представляется достаточно типичным и интересным для публикации.

Однако прежде чем перейти к его изложению, мы коснемся некоторых вопросов, связанных с историей ингерманландской церкви. Это, можно полагать, не является общеизвестным и отражает некоторые существенные особенности ее деятельности как в прошлом, так и в наши дни.

Прежде всего, следует остановиться на начальном этапе ее существования. Он непосредственно связан с появлением финского населения на территории, называвшейся Ингрией (по-немецки Ингерманландией). Эта территория охватывала южное побережье Финского залива от р. Нарвы на западе до р. Лавы на востоке, а также южную часть Карельского перешейка. После того как эти российские земли по заключенному в 1617 г. между Россией и Швецией Столбовскому мирному договору отошли к Швеции, сюда начинается массовое переселение из юго-восточных районов Финляндии, принадлежавшей тогда Швеции. Именно финские переселенцы и принесли сюда лютеранство. До этого коренное население края (не только русские, но и воеводы и ижорцы) исповедовало православие.

Хотя образование лютеранских приходов в Ингрии происходило при непосредственном участии финляндских и шведских церковных властей, влияние на местную церковь ощущалось и со стороны эстонской (а позже и латвийской) лютеранских церквей. Первоначально управление лютеранской церковью в Ингрии находилось в руках Нарвского суперинтенданта. В то же время, если прибалтийское духовенство было преимущественно немецкого происхождения, то большинство пасторов в Ингрии были из числа финнов, получивших образование в Турку, лишь часть их учились в Тарту. Как свидетельствуют документы, туда направлялись на учебу молодые люди из Нарвы, Неванлинны и Ореховца. Предполагалось, что служившие в Ингрии пасторы должны были владеть также шведским

и немецким языками, чтобы читать проповеди и для привилегированной части жителей Ингрии. Однако известно, что некоторые пасторы знали только финский язык.

В 1642 г. лютеранские приходы в Ингрии были выделены как особое епископство. Его возглавил суперинтендант — пастор кафедрального собора Таллинна Хенрикус Стахелиус. Он начал активно проводить политику насильственного обращения в лютеранство местного православного населения, хотя при заключении в 1617 г. Столбовского мирного договора местному населению было гарантировано сохранение своей веры. При Стахелиусе, в частности, число православных церквей в Ингрии сократилось вдвое. В 1645 г. русским православным священникам под угрозой штрафа было предписано учить своих прихожан катехизису Лютера. Все это привело к военному столкновению (война 1656-1658 гг.) и затем массовому исходу из Ингрии православных — русских, води, ижорцев и карел.

В целом, говоря о периоде, когда Ингрия находилась под властью Швеции, следует отметить что лютеранская церковь весьма активно стремилась укрепить свои позиции на новых полученных Швецией землях.

В ходе Северной войны в XVIII в. ингерманландские земли были возвращены России и затем вошли в состав Санкт-Петербургской губернии. Основная масса финских переселенцев осталась жить на этой территории, но доля их в общем населении края быстро сокращалась, так как русские помещики стали переводить сюда своих крестьян из внутренних губерний России. Местная лютеранская церковь продолжала функционировать. До 1727 г. лютеранская церковь Ингрии находилась под управлением российского Святейшего Синода (Нарвская консистория перестала действовать еще в 1704 г.), однако церковный закон был сохранен в его шведской форме.

Следует отметить, что царский двор и непосредственно члены царской семьи оказывали материальную поддержку местной лютеранской церкви. Это было, отчасти, связано с тем, что жены многих российских монархов и лиц царского двора были в прошлом лютеранками, а также с тем, что некоторые царские резиденции находились в окрестностях Петербурга, где жило много финнов-лютеран. Известно, что дочь Петра I Елизавета, став императрицей, построила на свои деньги для местного финского населения деревянную лютеранскую церковь в Петергофе. Павел I, еще будучи наследником престола, построил каменную церковь для исповедовавших лютеранство жителей Колпина и организовал первую финскую школу в Гатчине. Николай I построил каменную церковь в Петергофе и выделил средства для постройки другой лютеранской церкви — в Дудергофе.

При Александре I (1777 — 1825) была учреждена должность генерального суперинтенданта, в ведении которого находились все лютеран-

ские церкви России. В управление, которое было создано при генеральном суперинтенданте, входил и представитель от ингерманландской церкви. По распоряжению Александра I в Петербургской консистории с 1820 г. было выделено специальное место для руководства Ингерманландской церковью. Его занял Сакари Сюгнеус (1763 — 1830), бывший до этого епископом в Порво в Финляндии. Он провел реорганизацию церковных общин Ингрии и разработал новый церковный закон, который был принят в 1832 г., уже после его смерти. Несмотря на то, что ингерманландская церковь имела свой статут, она оставалась все же под сильным остзейским влиянием, ощущалось и воздействие православной церкви: службу слушали стоя, было принято часто креститься, причем крестились, как православные, справа налево, и др. Позже в России была проведена реорганизация всей Евангелическо-лютеранской церкви. Она была разделена на несколько епископств, и ингерманландская церковь вошла в Санкт-Петербургское епископство. Его Домский капитул был создан в 1834 г. и подчинен Генеральной консистории. Вице-президент (суперинтендант) генеральной консистории был из духовных лиц, и государь нередко назначал его на должность епископа. В руководстве Санкт-Петербургским епископством господствующую роль играло местное немецкое духовенство, лишь с 1883 г. в Домском капитуле одно место асессора стало выделяться для ингерманландской церкви. С 1880 г. при собраниях Синода финские пасторы проводили свое собрание по делам финских общин. За деятельностью ингерманландской церкви наблюдали архиепископы Финляндии и оказывали ей помощь.

Большое внимание ингерманландская церковь уделяла культурно-просветительной деятельности, стремясь к тому, чтобы местное финское население не только достаточно ознакомилось с лютеранским вероучением, но и получило начальные знания грамоты. В этом отношении существенную роль сыграл уже упоминавшийся Сакари Сюгнеус. Он установил постоянный контроль за деятельностью церковно-приходских и конфирмационных школ и ратовал за создание воскресных школ. Последние получили широкое развитие в 1870-е годы, и в начале XX в. их действовало в Ингрии свыше 570 и посещало до 16 тыс. учеников. Первоначально духовную литературу и азбуки привозили из Финляндии, что, после того как в 1809 г. Финляндия вошла в состав Российской Империи, стало совсем несложным делом. Следует оговорить, что хотя с прихожанами пасторы общались на их родном языке, документацию они должны были вести на шведском или немецком языках, а в годы реакции при Александре III (1845-1894) официальным языком церковной документации стал русский. Образование пасторы получали преимущественно в Финляндии, но со временем встал вопрос о подготовке их на месте, так же как и о необходимости развития светских школ в сельской местности. В 1863 г. в Колпино была открыта семинария, готовившая учителей, канторов и органи-

стов. Обучение было сначала трех-, потом четырехлетним. Почти все выпускники семинарии работали затем в местных школах и церквях.

Возникла и целая сеть финских библиотек (в конце XIX в. — 22), частью при школах, частью при церквях. Для них закупались книги и выписывались газеты и из Финляндии. К тому же в это время литература на финском языке печаталась уже и в Петербурге. Преимущественно это была духовная литература, народные календари и альбомы, книжки для детей. В целом культурная жизнь местных финнов в то время в значительной степени направлялась церковными деятелями. Следует упомянуть и о том, что пасторы ингерманландской церкви проявляли интерес и к традиционной жизни и обычаям местных жителей, не только финнов, но и финноязычных малых народов Ингрии — води и ижоры. Их заслуги хорошо известны этнографам-финноугроведам.

В конце прошлого века культурная жизнь сельского населения Ингрии вообще сильно оживилась. В среде сельского финского населения действовали просветительское общество «Сойхту» (Soihtu), общество трезвости, гимнастические и другие спортивные объединения, певческие хоры и т.д. Несомненно, в среду местных финнов и те настроения, которыми было охвачено население самой Финляндии в период бурного развития национального движения, борьбы за права финского языка и национальную культуру.

Перед первой мировой войной в Ингерманландии действовало 29 сельских и 4 городских прихода.

После установления в России советской власти и получения Финляндией независимости граница отрезала российских финнов от их исторической родины. В последующие годы местным финнам пришлось пережить немало тяжелых ударов и высылку их с исконной территории, о чем мы уже упоминали в начале статьи. Трудные времена пришлось пережить и Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии (как, впрочем, и другим религиозным организациям России). К 1937 г. во всей церкви оставался лишь один действующий пастор. Вскоре церковь была ликвидирована совсем.

Возрождение Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии началось в 1970 г., когда в Петрозаводске был зарегистрирован первый приход. В 1990 г. было создано Ингерманландское пробство, поставленное под юрисдикцию эстонского архиепископа.

С 1994 г. Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии стала независимой. Она возглавляется епископом, при котором действуют Церковный совет и Церковное правление. Постоянное местопребывание епископа — в Санкт-Петербурге. Ныне действующий ингерманландский епископ был рукоположен епископами Финской евангелическо-лютеранской церкви.

Церковь Ингрии занимает по многим экклесиологическим и доктринальным вопросам достаточно консервативные позиции. Например, она, в

отличие от многих других лютеранских церквей, и в частности от Финской евангелическо-лютеранской церкви, отрицательно относится к ординации женщин, и поэтому в ней нет пасторов-женщин. Она также не признает несинадальных (новых) переводов Библии.

Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии входит во Всемирную лютеранскую федерацию. Особенно тесные связи она, естественно, поддерживает с Финской евангелическо-лютеранской церковью. Церковь Ингрии также постоянно контактирует и сотрудничает с Лютеранской церковью — Миссурийский синод (второй по численности последователей лютеранской церковью США), несмотря на то, что в отличие от нее в Лютеранской церкви — Миссурийский синод нарушена апостольская преемственность. Эти две церкви объединяют общие консервативные взгляды на многие вопросы церковной жизни.

По очень приблизительным оценкам, численность членов Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии приблизительно 15 тысяч человек. По этнической принадлежности большинство из них — финны-ингерманландцы, однако есть также небольшое число карел, латышей, эстонцев и другие. В последнее время в общинах церкви появились и русские.

Сейчас в Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии действует около 50 приходов (большинство их находится в Ленинградской области и Карелии). Духовный центр Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии находится в пос. Колтуши (Келтто) в Ленинградской области.

При нашем знакомстве с финнами, входящими в приход церкви Святой Троицы в Москве, мы встретились с людьми, которые перенесли все удары судьбы, выпавшие на долю российских финнов, и собранный материал, записанный нами в форме свободного рассказа их биографий, весьма характерен. В сущности, репрессии миновали только Айно, одну из женщин старшего поколения, которая еще до войны вышла замуж за русского военнослужащего и во время войны была своевременно вместе с другими женщинами из военного городка эвакуирована в тыл — на Урал. Еще во время войны, в 1943 г., муж приехал и забрал ее оттуда. После войны они с мужем переменили много мест жительства в зависимости от того, куда его направляли на службу. Их первый сын родился «под бомбами» в самом начале войны. Второй — в 1952 г. в Могилеве. Айно тогда уже закончила институт. Потом жили в Риге. В Москву приехали позже, где и обосновались. Муж Айно уже умер, оба сына женаты, живут тоже в Москве. Однако тот факт, что репрессии не коснулись самой Айно, не значит, что вынужденные переселения не затронули ее близких. Родители Айно во время войны оставались на месте — в деревне Ознаково (Оснакка, приход Купаница) Гатчинского района Ленинградской области. Семья была большая — семеро детей (Аино была старшей). Всех их (кроме Айно) вместе с матерью и отцом немцы вывезли в Финляндию, где

мать и умерла. Отец с детьми по возвращении в Советский Союз был отправлен на поселение в Новгородскую область. После того, как ее старшего брата взяли по призыву в армию, отцу разрешили вернуться в родные места. К счастью, их дом сохранился.

Другая из опрошенных — Айно Р. (родилась в 1916 г. в деревне Хумалисто (Humalisto, приход Туутари) — также успела до войны выйти замуж за военного, но ее тем не менее выслали в Алтайский край. В 1946 г. муж забрал ее оттуда и привез в Москву. Сейчас она живет в Павловом Посаде. У Айно Р. тоже часть семьи (мать с несколькими детьми) во время войны попала в Финляндию. Один из братьев, живший во Всеволожском районе, был арестован еще до войны. После ареста его отправили в лагерь в Карелию, там он был расстрелян. После войны мать и братья вернулись из Финляндии в СССР, сестры же вышли в Финляндии замуж и там остались. Вернувшуюся в СССР мать отправили на поселение в Ярославскую область. Одна из сестер Айно во время войны была вывезена немцами не в Финляндию, а в Эстонию.

Среди опрошенных нами лиц были и такие, семьи которых пострадали в ходе раскулачивания, в 1929-1931 гг., а также те, кто был выселен в 1935-1936 гг. из приграничной с Финляндией полосы с целью «очищения» ее от «политически ненадежных элементов». Высылка «кулаков», по мнению опрошиваемых, проводилась «по разнарядке»: из определенной деревни следовало выслать столько-то человек, при этом истинным положением дел не очень интересовались. Это находит подтверждение и в соответствующих документах того времени, в которых количество подлежащих высылке определялось в процентах. Иногда высылка шла в несколько приемов. Так, у Ольги О. (1925 года рождения), жившей в деревне Горелово (теперь эта местность находится уже в черте Санкт-Петербурга), в 1931 г. раскулачили деда и выслали его с одним из сыновей в Сибирь. Позже, в 1935 г., выслали и бабушку с двумя детьми как семью врага народа. Их отправили в Казахстан. Бабушка в ссылке быстро умерла, а дед убежал и приехал домой. Сначала он прятался, потом стал выходить из дому, но его никто не трогал. Убежала из Казахстана и его дочь, высланная с бабушкой. Она приехала в Ленинград и хотела добиться освобождения от положения ссыльной. Написала письмо М.И. Калинину. Однако ее арестовали за побег, сначала держали в «Крестах» (тюрьма в Петербурге на Литейном проспекте, недалеко от Финляндского вокзала), затем она была вновь сослана. В настоящее время живет в Петербурге.

Новая волна репрессий обрушилась на российских финнов, как и на все народы Советского Союза, в 1937-1938 гг. Среди финнов было немало людей, издавна имевших родственников за рубежом, что в те годы было уже достаточной причиной для ареста. Среди финнов было и немало коммунистов, высланных из Финляндии после установления там буржу-

азной республики (таких насчитывалось примерно 50 тыс. человек). Значительная часть их была также репрессирована.

В 1938 г. был расстрелян отец Хельми С. (1931 года рождения), жившей в деревне Мережково Токсовского района Ленинградской области. Мать осталась с тремя детьми. В уже упомянутой семье Ольги О., где сначала пострадало старшее поколение, в 1938 г. арестовали ее отца, приговор был «10 лет без права переписки». В те времена это означало расстрел, но родственники этого не знали, и мать верила, что ее муж жив. Она осталась с четырьмя детьми. По мнению опрошенных, ликвидация «врагов народа» также проводилась по «спущенному плану». Так, Екатерина П. (1923 года рождения), жившая до войны в деревне Старая (Vanhakylä, приход Келтто), вспоминает, что в 1936-1937 гг. у них в деревне было арестовано много мужчин. Одни были расстреляны, другие отправлены в лагеря. В лагере погиб и ее дядя. Приходили и за ее отцом, но его не оказалось в деревне: он работал в городе, на заводе. Второй раз за ним уже не пришли и в городе тоже не трогали (этот факт может служить подтверждением распространенного среди опрошенных мнения о спускавшихся сверху разрядах на аресты — *авт.*).

В это же время был расстрелян и отец другой нашей респондентки — Санельмы К. Она родилась в деревне Тиканмяки (Tikanmäki, приход Лемпала) Парголово района — близ самой границы с Финляндией. В 1936 г. в ходе кампании «по очищению приграничной полосы» семью Санельмы К. переселили в Вологодскую область. Отцу же хотелось быть поближе к родным местам, и он отправился в Ленинградскую область, где получил назначение на должность председателя в один из колхозов Всеволожского (тогда Мгинского) района. Вскоре он перевез туда и семью. Однако уже в 1937 г. его арестовали с приговором — «10 лет без права переписки» и расстреляли. Семью в 1941 г. снова вывезли в Вологодскую область.

Следующий удар по российским финнам нанесла война с Германией и вступление в эту войну Финляндии на стороне Третьего рейха. Известно, что советскими властями из Ленинграда и Ленинградской области была эвакуирована лишь незначительная часть населения, в том числе и финнов. В какой-то мере это произошло из-за быстрого продвижения немецких войск на данном направлении фронта и начавшейся блокады Ленинграда. Как уже отмечалось, финское население с оккупированной части Ленинградской области было вывезено немецким командованием — при участии финских властей — в Эстонию и Финляндию. Те же, кто оставались в восточной части области и Ленинграде были интернированы советскими властями, что официально называлось «принудительной эвакуацией в связи с обстоятельствами военного времени». То, что приходится слышать от людей, «эвакуированных» подобным образом, отражает всю бесчеловечность властей и трагизм судеб депортированного в дальние

края населения. Эта депортация — история гибели значительной части российских финнов. В качестве иллюстрации мы приведем в сокращенном виде два рассказа наших респондентов.

Так, уже упомянутая Хельми С., отец которой был расстрелян в 1938 г., продолжала жить с матерью и двумя сестрами в своей деревне. В 1942 г. их вывезли в Сибирь. Первый переезд был до Байкала, где их высадили из поезда и поселили в палатках. Девочки заболели тифом, и поэтому семья отстала от своих односельчан, которых повезли дальше. Они же поехали позже, уже с группой финнов из Колтушей. Их привезли на самый север, к морю Лаптевых, в поселок Теймалыр. Сначала всех поселили в одном старом доме, а потом прибывшие стали строить себе жилища из пластов дерна. Мать Хельми С. начала работать в местном рыбоколхозе. Зимой жители поселка были заняты на лесных работах, на пилке дров. Девочки учились в школе в Усть-Оленьке, в 80 км от своего поселка. Их туда увозили на собаках на всю зиму, и жили они в интернате. Хельми дома успела кончить только один класс, еще четыре она закончила в Якутии. Старшая сестра уже в 1943 г. устроилась в рыбоколхоз на разделку рыбы. Хельми после пятого класса устроилась нянькой в русской семье в поселке Теймалыр, где в то время работала геологоразведочная экспедиция. Потом начала работать и младшая сестра. Хельми вышла замуж за одного из членов экспедиции. Когда работа экспедиции была завершена, они с мужем уехали в село Жиганск, расположенное на реке Лене в 754 км к северу от Якутска и в 40 км к северу от Северного Полярного круга. В 1955 г. они перебрались в Москву.

Семья Екатерины П., о которой шла речь выше, была выселена из деревни Ванхакюля в 1942 г. Сначала их гнали пешком до Мельничных Ручьев во Всевожском районе. Оттуда на грузовиках их перевезли через Ладожское озеро. Там посадили на поезд, в товарные вагоны, которые закрывались снаружи. Ежедневно двери открывали, выносили трупы, а также забирали оставшихся без родителей детей — их отправляли в детские дома. Во время остановок можно было пойти в уборную, сходить за кипятком, а также получить дневную норму хлеба и супа. Так ехали недели три. За это время два раза их водили в баню. Когда ехали уже по Сибири, стали постепенно отцеплять вагоны и оставлять людей в разных местах. При этом никто не знал, где кого оставили — не только знакомых, но и родных.

Семью Екатерины П. привезли в Иркутскую область — поселок Замзоры, недалеко от городов Тулун и Нижнеудинск. В поселке был леспромхоз и имелись хорошие пустые дома, в которых и расселили прибывших — по четыре семьи в каждом. Но можно было спать лежа, и поэтому все были очень рады. Екатерину П. послали пилить дрова, но она никак не могла научиться это делать, сама мучилась и напарника мучила. Бригадир спросил ее, чем же она занималась дома. А она работала в мага-

зине кассиром. Тогда он назначил ее учетчицей на лесопилке. С этой работой Екатерина хорошо справлялась. За то время, что семья Екатерины П. жила в поселке Замзоры, они даже успели посадить немного картошки, которую мать выменяла у местных жителей. Но тут выяснилось, что их увозят дальше: власти просто ждали, когда откроется навигация по Лене. Повезли их на пароходе на север и высадили в поселке Нотару. Но это место только называлось поселком: там практически ничего не было. Стояли только три постройки: склад, маленькая пекарня и магазинчик. Начальство поселилось в палатках, а остальных заставили делать себе шалаши из березовых веток. Потом переселенцы стали строить себе новые жилища: каркас делали из тонких березовых стволиков (там толстых берез не растет), а сверху обкладывали его дерном. В это время начались разные болезни. Сначала вспыхнуло какое-то кишечное заболевание, от которого многие умерли. Здоровые не столько строили себе жилища, сколько копали могилы. Потом начались страшные ливни. Шалаши промокли насквозь, запасная одежда вся промокла, так как хранилась просто в мешках. После этого также многие умерли, а у остальных по всему телу пошли фурункулы. Работать же все равно приходилось: нужно было строить себе жилье. Вскоре пришла баржа со строительными материалами — досками для настила полов и потолков. Многие и после сооружения жилья продолжали работать на стройке: построили школу, медпункт, контору для рыбозавода, бондарный цех. Часть девушек, и Екатерину П. в том числе, послали косить сено. А они не умели — дома косили всегда мужчины, женщины только ворошили и сгребали сено — поэтому, как ни старались, косы часто втыкались в землю, и бригадир сердился. Потом их послали ловить рыбу. Но, поскольку в Колтушах нет ни рек, ни озер, девушки не умели ловить рыбу. Бригадир был опытный, они учили девушек, сердясь, что те такие беспомощные, и спрашивали, что же девушки умеют делать. Девушки отвечали: «Сажать картошку» (которой, как известно, славились Колтуши — *авт.*). На это бригадир сказал: «Забудьте о картошке, здесь вечная мерзлота». Со временем девушки научились управлять лодкой, закидывать сети, но рыбы было мало, хотя на лов выходили и ночью, и днем. Позже выяснилось, что больших уловов здесь быть не может: в Нотару рыба не идет. Стало быть, и рыбозавод здесь строить не имело смысла.

Сначала в поселке жили одни финны, потом привезли группу высланных из южных районов якутов: их колхоз не выполнил план по сдаче зерна, так как лето было слишком сухим и хлеба сгорели. Но власти сочли это саботажем, а колхозников — «врагами народа». Якуты почти не умели говорить по-русски. Они были бедные, плохо одетые, только обувь у них была хорошая — торбаза из оленьих шкур. Кроме того, они приехали со своим скотом (у них были коровы), поэтому они питались лучше финнов. Кроме якутов, прислали еще и русских парней из ФЗУ для работы в

бондарном цеху рыбозавода. У этих были ватники и стеганные штаны, на ногах — «какая-то обувь, вроде бахил». В целом они были одеты лучше финок, у которых были короткие плюшевые полупальто, лишь у некоторых были валенки, остальные наматывали на ноги, что могли.

Когда выяснилось, что рыбозавод строить не будут, поселенцам предложили либо ехать дальше на север, в большой рыболовецкий колхоз, либо — в Жиганск. Вообще на север ехать никому не хотелось, но те, кто был очень слаб, вступили в колхоз, так как им сразу выдавали много муки. С началом навигации колхозников увезли в низовья Лены, а остальных — вверх по Лене в Жиганск. Жиганск был районным центром, там было много работы, и всем сразу дали жилье. Одни получили работу при рыбозаводе: нужно было строить жилье для его работников, другие — в районной потребительской кооперации. В нее входили разные предприятия: пекарня, магазины, столовые, швейные и обувные мастерские и т.д. Здесь жить было легче: можно было купить кое-что из одежды, обувь, посуду. Меняли у рыбаков свои талоны на табак и чай на талоны на муку или покупали их. Екатерина П. еще в Нотаре начала работать в магазине, в Жиганске ее тоже отправили работать в магазин местного райпо. Работать было трудно: поскольку тогда существовала карточная система, то приходилось отчитываться не только деньгами, но и сдавать талоны за выданные продукты. Поэтому весь день торговала, а ночью клеила талоны. Сестра и братик ей помогали это делать.

Думается, что этих двух более подробно изложенных историй депортации достаточно, чтобы представить, какой произвол и полное безразличие к жизням людей царили при переселении финнов в Сибирь в 1942 г. Вряд ли когда-либо удастся установить точное число жертв этой акции.

Самое поразительное, что люди, выжившие в этих нечеловеческих условиях: без нормального жилья, теплой одежды, на тяжелой работе при недостаточном питании, — вспоминая прошлое, практически не говорят о бытовых трудностях, не жалуются на них. Нет, с горечью они вспоминают другое — то, что они были людьми без гражданских прав. Местное население, в частности, русские в Жиганске, поначалу относились к ним недоверчиво, так как они считались «неблагонадежными». Потом, правда, такое отношение исчезло. Однако оставалась обязанность каждый месяц ходить в местное отделение НКВД и отмечаться, что они не убежали, хотя бежать было некуда, если бы они и хотели. Начальник отделения НКВД в Жиганске был мастер обидеть и унижить каждого. Правда, среди начальников в других районах были и «оставшиеся людьми». Некоторые из опрошенных не хотели, чтобы были названы их фамилии именно потому, чтобы никто не узнал, что они когда-то были ссыльными, так как потом они стали обычными и уважаемыми людьми». Это чувство сохранилось и сейчас, когда они все реабилитированы и даже имеют некоторые льготы как несправедливо пострадавшие.

Среди опрошенных нами людей только две женщины сами оказались в числе вывезенных во время войны в Финляндию. Одна из них — уже названная выше Ольга О., жившая под самым Ленинградом, в деревне Горелово. После ареста отца ее мать осталась с четырьмя детьми — двумя девочками и двумя мальчиками. Старшая сестра Ольги в это время училась в техникуме в Вологде, а все остальные к моменту наступления немцев были дома. Оставаться на оккупированной территории они не хотели и собирались уезжать в тыл. Перед самым отъездом оба мальчика побежали в соседнюю деревню помочь собраться в путь тетке (сестре матери). По дороге их задержали красноармейцы, ехавшие на грузовике, и сказали, что дальше идти нельзя, там уже немцы. Они взяли мальчиков в машину и довезли до Стрельни, оттуда мальчики на трамвае добрались до папиной сестры Айно. Она оставалась в Ленинграде с ребенком, а муж был на фронте. Когда в городе начался голод, тетка отдала мальчиков в детский дом, и весной их, умиравших от голода, вывезли из Ленинграда. Оба все-таки остались живы. После того, как мальчики ушли и не вернулись, мать решила с места не двигаться. Так они дожили до 1942 г., когда немцы стали всех финнов собирать в концентрационные лагеря для вывоза в Финляндию. Семья Ольги О. попала в лагерь в Красном селе, где их продержали два месяца. Потом их повезли в Эстонию, где первоначально поселили в Нарве. С ними была еще двоюродная сестра отца — Ольга. В Эстонию были вывезены и две тетки Ольги О. — сестры отца, — которые там и остались в дальнейшем. В Нарве они работали на сукновальной фабрике, где делали валенки, а Ольгина мать пошла работать в прислуги к одной немке. Это позволяло семье прилично питаться, вообще же продовольствие отпускалось в магазинах по карточкам. Осенью 1943 г. их повезли из Нарвы в лагерь в Клоога, а двоюродная сестра отца Ольга уехала в Германию, и больше о ней никогда ничего не слышали. Из Клоога их перевезли в Финляндию — в Ханко, где был приемный лагерь, затем — в Оулу — в карантинный лагерь. Оттуда их отправили в Рованиemi — на обслуживание немецкого аэродрома. Они там работали в прачечной: гладили и чинили белье. Жили в километре от гарнизона.

После того, как Финляндия заключила перемирие с СССР, немцы из Рованиemi бежали и Ольга с мамой поехали в Турку, где жил Ольгин дядя — мамин брат Захар. Дядя Захар оказался в Финляндии еще во время революции: он служил в белой армии и в Россию не вернулся. Еще до приезда Ольги с матерью у него остановилась еще одна его племянница с детьми. Ее устроили работать на ткацкую фабрику в местечке Лиитойнен. Ольга же, приехав в Турку, нанялась в кафе мыть посуду, так что какие-то деньги она зарабатывала.

Вскоре они узнали, что можно возвращаться в Советский Союз. Они и хотели вернуться, Ольга даже писала письмо на имя Сталина о том, что они хотят на родину. В России был их дом, где-то были младшие братья

(мать верила что они и ее муж живы). Но, как известно, вернуться в Ленинградскую область ингерманландским финнам, прибывшим из Финляндии, не разрешили. Ольга с матерью и другими из их группы попали в Ярославскую область, в колхоз. Но если женщин и детей оставили в тех местах, куда их привезли, то молодых парней, уже достигших призывного возраста, выслали в Сибирь. О том, что они уехали в Финляндию еще подростками, никто не думал.

Найдя путем переписки старшую сестру Ольги, они узнали, что братья живы, и те вскоре к ним приехали. Со временем вся семья Ольги О. переехала в Эстонию. Однако в конце 1940-х-начале 1950-х годов поступило распоряжение выселить из Эстонии в Сибирь тех, кто был во время войны вывезен в Финляндию. Но родственников Ольги О. это не коснулось: отцовы сестры были вывезены в Эстонию и в Финляндии не были, Ольгины братья были в блокадном Ленинграде, а потом в детском доме, сестра — в Вологодской области. В итоге не тронули и Ольгу, и она осталась в Эстонии. В 1947 г. она вышла замуж за русского солдата, москвича, служившего в Таллинне. С ним она в 1951 г. переехала в Москву.

Елена Б. Родилась в 1923 в деревне Мертути (Meri — Tuitti, приход Роалкеасаари) Парголовского района. В 1936 г. ее семья была депортирована в Вологодскую область. Однако уже через год им удалось вернуться в Ленинградскую область — на станцию Большая Вишера. Когда эти места были заняты немцами, Елена с матерью, сестрой и братом были угнаны в Германию. В 1943 г. в соответствии с соглашением между Германией и Финляндией они, как и другие финны, были перевезены в Финляндию. В 1945 г. семья Елены вернулась в СССР. Однако им не разрешили поселиться в Ленинградской области, а отправили в город Калязин Калининской (ныне Тверской) области. В 1951 г. она вышла замуж, однако официально зарегистрировать свой брак они не могли. Ее муж (русский) учился в Академии внешней торговли, и если бы власти узнали, что его жена была депортированной финкой, его могли бы исключить из академии. Зарегистрировали они свой брак только в 1955 г.

Таким образом, по возвращении в СССР финны (за малым исключением) не только не получили возможности вернуться в родные места, но некоторые еще и из европейских областей Союза были высланы в Сибирь.

В настоящее время, разумеется, препятствий для возвращения на старые места со стороны властей нет, но нынешние материальные трудности делают такой переезд для людей старшего поколения невозможным. В результате значительная часть российских финнов остается там, куда их закинула судьба. Хотя большая часть российских финнов живет в Карелии, Ленинградской области и самом Санкт-Петербурге (35,7 тыс. человек, по данным переписи населения 1989 г.), еще 11,4 тыс. (по тем же данным) разбросаны по разным регионам России, но ни в одном субъекте

Российской Федерации они не насчитывают более тысячи человек (905 человек в Красноярском крае, 658 — в Псковской области, 601 — в Новгородской области, 590 — в Мурманской области, 555 — в Вологодской области, 506 — в Тюменской области, 499 — в Тверской области, 493 — в Кемеровской области, 471 — в Москве, 383 — в Омской области, 374 — в Иркутской области, 350 — в Челябинской области, 337 — в Свердловской области, 315 — в Республике Саха /Якутия/, 302 — в Республике Коми, 286 в Московской области, 255 — в Пермской области, 254 — в Архангельской области, 218 — в Краснодарском крае, 206 — в Ярославской области, 190 — в Новосибирской области, 142 — в Ростовской области, 118 — в Самарской области и 110 — в Алтайском крае, по данным переписи 1989 г.). Но при этом следует учитывать, что многие из тех, у кого предки были финнами, теперь таковыми не значатся. В ходе вынужденных переселений их родители вступали в смешанные браки, а дети записывались русскими, тем более, что писать в паспорте «финн» в графе «национальность» раньше было опасно. Так, сын уже упоминавшейся Елены Б. При получении паспорта хотел записаться финном, но мать сказала ему: «Забудь об этом, если не хочешь повторить мою судьбу». Хотя это было в 1974 г., страх все еще оставался. Среди опрошенных нами женщин никто не вышел замуж за финна. Большинство были замужем за русскими, украинцами, эстонцами. Так, у той же Ольги О. муж, как уже упоминалось, был русский, у ее старшей сестры Эмили — украинец, из братьев один женился на эстонке, другой — на русской. У родственников по отцу в третьем поколении среди жен есть русские, эстонка, татарка, азербайджанка. Ближайшие родственники ее остались в Эстонии, но есть в Казахстане, Батайске (Ростовская область) и в Финляндии. У Айно Р. родня есть (в живых осталось только второе поколение) и в Эстонии, и в Финляндии. Опрошенные имеют родственников также в Новгородской области, в Карелии, Молдавии и других местах.

Годы вынужденных скитаний отразились и на том, что многие забыли родной язык. Практически все люди старшего поколения до войны дома говорили по-фински, а некоторые еще и учились в финской школе. Елена Б., например, 5 лет проучилась в финской школе. Айно Р. даже окончила финскую школу и затем училась в педагогическом техникуме с тем, чтобы преподавать на финском языке в школе. Обе они и теперь не забыли финский язык, хотя говорить по-фински им почти не с кем. Живущие в Москве и прилегающих районах финны могут слышать финскую речь практически только в церкви. Представители молодого поколения, выросшие за пределами Ингрии и, как правило, в этнически смешанных семьях, финского языка не знают. В последнее время, правда, и у них появился интерес к языку и культуре своих предков. Прихожанин церкви Святой Троицы Роман Т. (1970 года рождения) — финн только по отцу (мать у него русская). В церковь Ингрии он пришел как из-за своего на-

половину финского происхождения, так и в результате религиозных поисков (обращаясь до этого к православным и свидетелям Иеговы). Роман — член общины церкви Святой Троицы с момента ее образования. В настоящее время он один из активных членов прихода. С 1994 г. он председатель общества «Инкерин Лиитто» в Москве. Роман часто приходит в церковь с двумя своими старшими детьми. Он старается учить их финскому языку, и на организуемых в церкви детских концертах мальчики уже могут петь по-фински.

В церкви проводятся занятия по подготовке к конфирмации для детей и новых членов прихода, устраиваются библейские часы, создан свой хор.

В приходе Святой Троицы сложилась очень теплая атмосфера. Люди приходят сюда не только помолиться, но и пообщаться друг с другом, тем более что судьбы некоторых прихожан, прежде всего людей старшего поколения, во многом схожи. Можно сказать, что церковь Святой Троицы превратилась в своего рода консолидирующий центр, объединяющий людей финской национальности, живущих в Москве и прилегающих местах. Очевидно, что в условиях большого города и крайне дисперсного расселения финнов консолидирующая роль церкви особенно велика.